

Во рту стоял вкус крови, но дикая боль в теле не утихала, поэтому он впился зубами еще сильнее, словно пытаясь выместить на ком-то злость.

— Динь! Очки мазохизма Хозяина увеличились на 2 пункта, общие очки мазохизма — 18. Прогресс выполнения второй основной задачи по заполнению шкалы очков мазохизма составляет восемнадцать процентов.

Ся Си сейчас уже не особо волновало количество очков, и он мысленно спросил у 027: Разве таблетка от яда не помогла? Почему ему кажется, будто стало только хуже?

— Помогла она или нет, я не знаю, — с некоторой тревогой отозвался 027. — Но если ты, Хозяин, позволишь ему и дальше так кусаться, этот кусок мяса просто отвалится.

Кусок мяса на руке Ся Си уже держался на честном слове, поэтому он подставил Гун Инаню другое место, продолжая позволять тому кусать себя, а весь его рукав давно пропитался насквозь свежей кровью.

— Динь! Очки мазохизма Хозяина увеличились на 3 пункта, общие очки мазохизма — 21.

— Динь! Очки мазохизма Хозяина увеличились на 4 пункта, общие очки мазохизма — 25.

Системные подсказки звучали непрерывно, когда Гун Инань вдруг внезапно отпустил руку Ся Си. Его тело в жутких муках забило в судорогах, и он резко выплеснул наружу огромную порцию черной крови, а разум его, казалось, погрузился в еще более безумное состояние.

Ся Си поспешил поддержать его, но в ответ получил от потерявшего контроль молодого человека удар ладонью в грудь и с размаху врезался в стену.

Для Ся Си, у которого не было ни малейшей внутренней энергии, этот удар оказался совершенно невыносимым. Даже с отключенным чувством боли Ся Си все равно ощущал страшное удушье, ему было тяжело дышать, а в груди словно все горело. Ся Си с трудом поднял руку, желая стереть кровь, непрерывно сочившуюся из уголка рта, и в конце концов медленно закрыл глаза.

Рассвет постепенно сменял ночь, и у самого края восточного небосклона забрезжил слабый утренний свет.

Когда Гун Инань очнулся, на улице уже совсем рассвело. Открыв глаза, он почувствовал невиданный доселе комфорт. С некоторым изумлением направив циркулировать по телу внутреннюю энергию, он с удивлением обнаружил, что в его силах больше нет ни преград, ни заторов, а боевые искусства даже словно бы начали незаметно пробиваться на новый уровень — казалось, яд, с самого детства сковывавший его меридианы, за одну ночь исчез без следа.

Гун Инань просто не мог в это поверить. Он торопливо взглянул на ладонь своей правой руки: та была абсолютно чистой, и на ней больше не осталось даже того крошечного фиолетового пятнышка размером с ноготь, что сопровождало его с самого рождения. Смешанное чувство, похожее на дикий восторг, поднялось в груди Гун Инаня: с этого момента ему больше не придется терпеть муки от приступов яда, больше не придется выносить испуганные и полные страха взгляды окружающих, смотревших на него как на какого-то монстра.

Однако в следующую секунду все воспоминания о вчерашнем приступе яда хлынули потоком в его сознание, и прежняя эйфория Гун Инаня мгновенно испарилась. Он судорожно принялся искать глазами Ся Си.

В темном углу у стены и в самом деле, свернувшись калачиком, неподвижно лежало крошечное тельце. Именно это хрупкое тельце неотступно находилось рядом с ним все время, пока бушевал яд, не покидая его даже тогда, когда его лицо покрывалось фиолетовыми узорами, а сам он безумствовал. Тепло, с которым тот крепко прижимал его к себе, и утешающие слова, повторяемые вновь и вновь, врезались ему в память настолько отчетливо, что он помнил их даже сквозь жуткую боль.

Гун Инань широким шагом бросился к Ся Си, но в следующее мгновение его тело резко окоченело. Юноша лежал с плотно закрытыми глазами, его мертвенно-бледное лицо казалось почти прозрачным, кровь из уголков губ стекала по подбородку на грудь, расплывшись большим багровым пятном на воротнике, а левая рука выглядела просто ужасающе: все предплечье было покрыто глубокими следами от зубов, причем в нескольких местах плоть была почти вырвана с мясом и держалась лишь на тонкой полоске кожи. Кровь насквозь пропитала весь рукав, и нежно-бирюзовая ткань уже давно превратилась от запекшейся крови в темно-красную.

Сердце Гун Инаня пронзило резкой, невыносимой болью, а следом за душевной мукой накатил невиданный, парализующий страх. Подхватив Ся Си на руки, Гун Инань истошно закричал во дворе:

— Эй там! Живо зовите лекаря!

Ся Си тяжело пострадал от удара ладонью Гун Инаня, повредившего его внутренние органы, а в сочетании с и без того слабым здоровьем это привело к тому, что он оставался без сознания ровно двое суток. И хотя он не чувствовал боли, иллюзия того, будто его сжигают заживо, не давала ему покоя даже в беспамятстве: все его тело словно пылало на вулкане, невыносимо раскаляя кожу, а в груди стояла такая давящая духота, что ему не хватало воздуха, и он метался из стороны в сторону, отчаянно пытаясь избавиться от этого состояния.

— Сейчас нельзя шевелиться... — ощутив, как его осторожно, но крепко обхватила пара сильных рук, он услышал чей-то неуверенный, несколько неуклюжий голос, повторявший у самого уха: — Всё хорошо, иглоукалывание почти закончено, еще мгновение...

Результатом отключения болевых ощущений стало то, что иглы, вонзавшиеся в тело, не причиняли положенной боли, зато вызывали онемение и жуткий зуд. Для кого-то другого это, пожалуй, было бы терпимо, но для Ся Си подобные ощущения мало чем отличались от настоящей боли. Не обращая внимания на шепот, раздававшийся у самого уха, он забился еще сильнее, и этот голос тут же зазвучал еще более встревоженно:

— Вот так, сейчас уже совсем не больно...

Он что, считает этого молодого господина сопляком, которого надо укаюкивать?

Ся Си недовольно нахмурился, но чья-то сухая и теплая рука бережно разгладила его брови, а другая протянулась к самым его губам:

— Разве ты раньше не позволял мне кусать тебя? Хочешь укусить в ответ?

Гун Инань понемногу просунул палец между губ Ся Си, наблюдая, как тот в бессознательном состоянии машинально обхватывает его зубами.

— Умница, — похвалил он, продолжая нашептывать на ушко: — Давай, просто сильнее сожми зубы, можешь кусать как пожелаешь.

Не выдержав, стоявший рядом подчиненный попытался предостеречь его:

— Ваша Светлость! — однако в ответ услышал лишь суровый окрик Гун Инаня, приказавшего тому немедленно удалиться. Дзынь! Очки благосклонности увеличены на 5, текущие очки благосклонности — 15, степень выполнения основного задания три на максимальное заполнение очков благосклонности составляет пятнадцать процентов.

Дзынь! Очки благосклонности увеличены на 10, текущие очки благосклонности — 25...

Если бы Ся Си в этот момент был в сознании, он бы наверняка удивился тому, как Система постоянно уведомляет его об увеличении очков благосклонности. Однако он пребывал в полном забытии, лишь смутно ощущая, как что-то проскользнуло между его губ. Не кусая, чей-то маленький язычок легонько лизнул его. Видимо, не распробовав, это нечто принялось легонько посасывать.

Стоило чужому пальцу оказаться во рту, как Гун Инань вздрогнул от необычайно нежного и мягкого ощущения во рту юноши. Губы и язык Ся Си напоминали нежнейший соевый пудинг, от одного лишь прикосновения к которому становилось так тепло и мягко, что невозможно было оторваться. А когда его так полизали и пососали, ощущение, похожее на удар током, пронзило пальцы и дошло до самого сердца. Тело Гун Инаня мгновенно разогрелось, он едва не подскочил от неожиданности.

Лекарь всё ещё усердно ставил Ся Си иглавки, а Гун Инань тем временем с трудом подавлял двойное возбуждение — в теле и в сердце — и осторожно вытянул палец изо рта Ся Си. Кто бы мог подумать, что при вытаскивании палец снова прихватили зубами. Впрочем, в обмороке у Ся Си не было сил, и даже зажав палец зубами, он лишь мягко, по-кошачьи, пожевал его.

Гун Инань оставил затею вытащить палец и так и продолжил обнимать Ся Си, позволяя тому покусывать себя. Гун Инань не осознавал, сколько же нежности таит его взгляд, устремленный на Ся Си в этот момент. Увидь он себя со стороны, наверняка бы испугался.

Наконец иглоукалывание завершилось, зуд и онемение стали постепенно отступать, а дыхание Ся Си выровнялось. Только тогда Гун Инань освободил палец, легонько провел рукой по растрепанным волосам на лбу юноши и тихо произнес:

— Всё хорошо, больше ничего не болит, спи спокойно.

Дзынь! Очки благосклонности увеличены на 15, текущие очки благосклонности — 40, степень выполнения основного задания три на максимальное заполнение очков благосклонности составляет сорок процентов.

Ся Си не услышал подсказку 027, постепенно погружаясь в абсолютную темноту.

Он очнулся только на четвёртый день под вечер. Открыв глаза и оглядев изысканный деревянный резной узор на потолке кровати и роскошные облачные шелка, свисающие вокруг,

Ся Си чуть было не подумал, что его снова забросило в какое-то неведомое пространство.

В голове у Ся Си всё ещё стоял легкий туман, и лишь спустя довольно долгое время он сообразил, что, судя по всему, находится в спальне Гун Инаня. Оглядевшись по сторонам и не заметив ни души, Ся Си постепенно припомнил, как незадолго до потери сознания не послушался приказа Гун Инаня убираться вон и вдобавок накормил его пилюлей от яда неизвестного действия. Судя по памятке, в подобных ситуациях негодьяй-ата обычно сильно злится, а затем безжалостно тиранит ничтожного пассива. Однако сейчас он не только странным образом оказался в комнате Гун Инаня, но и его раны явно были тщательно обработаны.

Быть может, дело в том, что тиран испугался замучить его до смерти с первого раза и не получить вдоволь удовольствия? Сначала исцелить, чтобы потом со вкусом поиздеваться?

Рассудив так, Ся Си решил проявить благоразумие и самостоятельно отыскать Гун Инаня. Собравшись с силами, он с трудом поднялся с постели и, даже не накинув верхнюю одежду, шатающейся походкой направился к выходу. Тело всё еще оставалось слабым, и едва он с горем пополам доковылял до длинной галереи и приблизился к просторной гостиной, как издалека до него донесся голос:

— С чего это ты вдруг выбежал вот так?

Ся Си повернулся на звук и неожиданно увидел приближающихся к нему широким шагом Гун Инаня и Гун Чэня. Хмурясь, Гун Инань продолжил отчитывать его:

— Где те, кто должен за тобой присмотреть? Они что, все передохли? В такой холод выпускать тебя на улицу без верхней одежды!

Применив легкие шаги, Гун Чэнь опередил всех и первым оказался перед Ся Си. Он снял со своих плеч шубу из меха норки и бережно укутал в нее юношу, а в его низком голосе отчетливо слышалось беспокойство:

— Маленький Си, тебе холодно?

Это движение и интонация были точь-в-точь такими же, как когда-то у Цзян Чжаньвэя. Возможно, больные люди более уязвимы: при мысли о Цзян Чжаньвэе на него волной накатило сложное чувство, похожее на тоску, а осознание того, что перед ним вовсе не Цзян Чжаньвэя, породило в Ся Си странное, до слез обидное ощущение.

Ся Си распахнул влажные от слез глаза, уставился на Гун Чэня и заторможенно покачал головой. Однако Гун Чэнь чутко уловил обиду, затаившуюся в душе юноши, и со сжавшимся от жалости сердцем крепко взял Ся Си за руку:

— Маленький Си, я пришел забрать тебя домой.

С того самого момента, как Гун Чэнь впервые подобрал юношу на снегу, в его сердце

зародилось невыразимое чувство, а месяц совместной жизни и вовсе окончательно взрастил в нем искреннюю привязанность. Теперь он уже не мог разобрать, была ли это любовь с первого взгляда или чувство, окрепшее со временем. Гун Чэнь знал лишь одно: в первый же день, когда Ся Си ушел вместе с Гун Инанем, он начал по нему скучать. Казалось, во всей резиденции князя повсюду мерещился силуэт юноши, стоило только закрыть глаза, как перед мысленным взором вставали его чистая, красивая улыбка и лицо.

Любовь рождается неизвестно откуда, и лишь после разлуки осознаешь всю ее глубину. Если бы он тогда не позволил Ся Си уйти, то наверняка не понял бы так быстро, что его чувства к юноше зашли столь далеко. Получив весть о том, что Ся Си ранен и находится без сознания, Гун Чэнь, не раздумывая ни секунды, помчался в Резиденцию князя Ли, и лишь увидев Ся Си своими глазами, его сердце наконец успокоилось.

Юноша был подобен лучу свежего утреннего света, а в этом мире никто не в силах сопротивляться сиянию.

— Забрать его? — Гун Инань прервал движение руки, уже было собиравшейся снять лисью шубу и отдать Ся Си, и, слегка прищурившись, произнес: — Третий старший брат говорит вещи донельзя смехотворные. Теперь он человек из моей Резиденции князя Ли, разве ты слыхал о том, чтобы однажды отданную вещь забирали обратно?

<http://bllate.org/book/22145/2307197>